

Когда она осознала, что сделала это не один раз, а дважды, ее лицо вспыхнуло. Что только что произошло? Она вспомнила почти живо, ее разум не смог ничего скрыть или цензурировать. Мокрое ощущение, окружающее и сжимающее ее сосок, сменилось всплеском удовольствия.

Неужели она действительно потеряла контроль над собой? Так рано, меньше чем через минуту после начала их ужасного сеанса? Неужели она была такой чувствительной все это время, когда Зейн мог заставить ее стонать, не пытаясь заглушить его так легко?

«Этого не может быть».

Прежде чем Лейла смогла сдержать свои стоны до шепота, Зейн мог их услышать, хотя для этого требовалась соответствующая концентрация и контроль. Чем дольше длилась близость или прелюдия, как в ее нынешней ситуации, тем громче становился ее голос, естественно, с уменьшением ее концентрации и контроля над собой.

Лейла ожидала этого; ее тело было очень настроено на удовольствие и близость с ним в некотором смысле, воплощая его. И с ее душой, которая была совершенно чужой, хотя и не так сильно сейчас, ее разум не мог защищаться и оставаться сильным вечно. Она в конце концов поддалась удовольствию, где ее тело двигалось и стонало в шумной и беззаботной манере.

Но это было по-другому. Ее разум не поддался. Она не потеряла сосредоточенности. Ее тело не двигалось само по себе, не трясло бедрами или не двигалось так, как она бы не сделала, находясь под ее контролем. Ее чувства также были на месте. Лейла могла видеть Зейна, чувствовать ароматы, пронизывающие воздух, чувствовать ощущения в своей груди и вкус языка и слюны Зейна, задержавшихся у нее во рту. Все было там; ее разум был ясен, за исключением легкой дымки, которая окутала ее, и она все еще могла связно мыслить.

При этой мысли ее разум немедленно и легко пришел к ответу на вопрос, почему это произошло. Было ли это иллюзией? Такой, которая обманывала ее разум, заставляя ее думать, что она сосредоточена и контролирует ситуацию, когда на самом деле ее разум уже поддался. Ей не потребовалось много времени, чтобы проигнорировать этот ответ. Она не думала, что Зейн прибегнет к использованию иллюзии, чтобы обмануть ее разум и чувства, особенно посреди близости.

Из того, что она знала о нем, он хотел, чтобы она почувствовала удовольствие. Он хочет внедрить в ее разум яркие воспоминания о том, как он доставлял ей удовольствие. Это была странная и извращенная одержимость, которую он скрывал за улыбкой, показывая ее только тогда, когда дразнил ее, или, как сейчас, во время их прелюдии.

Лелия не знала, как возникла эта одержимость, как и то, что она не знала о той, что у него была к ней, но она знала, что он не будет действовать или пытаться что-то, что испортит этот первый раз для нее, даже если она наложила на него некоторые ограничения. Если не было иллюзии, что это могло быть?

Она знала, что должна быть причина, и это было не только потому, что ее душа стала более

пропорциональной ее телу. Ее мысли привели к Заину. В ее сознании он был причиной. Она просто не знала как.

«Мн...!»

«Не снова».

На этот раз не рот Зайна заставил ее стонать во второй раз. Это была его рука, схватившая ее другую грудь, где он нежно ее гладил. Двигаясь вверх, осыпая ее удовольствием. Когда его рука достигла соска, который с тех пор стал твердым и чувствительным, он ущипнул его.

И в то же время его язык сильно прижимался к соску во рту, хотя он и следил за тем, чтобы не было боли или дискомфорта. Еще один стон удовольствия вырвался из его натиска, дразня ее соски.

После четвертого стога она поняла, почему в этот раз все было иначе, чем когда Зейн играл и дразнил ее раньше. В третий и четвертый раз она не сосредоточилась на том, чтобы остановить стоны. Ее глаза и внимание были полностью сосредоточены на Зейне и его движениях. Это было ее единственное подозрение, и она оказалась права.

Его движения были медленными, ритмичными, нежными и грациозными. Они не пропускали ни одной чувствительной точки, касаясь тех, о существовании которых она раньше даже не подозревала. Она не видела этого раньше, но его руки покрывал тонкий, почти невидимый белый слой маны, который в основном концентрировался на кончиках пальцев и исчезал в ее теле.

Это была, естественно, мана, принадлежащая герою, которая имела атрибут света. Однако она не чувствовала боли или дискомфорта от прямого контакта с его маной. Даже когда его мана коснулась ее дворца маны, где была ее мана с атрибутом темноты, она не отреагировала отрицательно. Вместо того, чтобы отреагировать отрицательно, она увеличила ее ману, хотя и не намного.

Зейн, хотя и следил за тем, чтобы она наслаждалась каждым прикосновением, удовольствием, где он не остановится, пока не ублажит каждую часть ее тела, либо через свое физическое прикосновение, либо через ману, которую он использовал с каждым действием, распространяя удовольствие, сказал ей что-то еще. Рвение, которое она могла видеть в них, подсказало ей, что он хочет начать основное блюдо.

Но как бы он ни жаждал этого, он не прекращал прелюдию. Он не двигался с места, двигая руками и пальцами, чтобы все больше и больше увеличивать ее удовольствие. Он казался таким непреклонным в том, чтобы доставить ей удовольствие, что ее возбуждение быстро достигло своего предела. Затем она кончила, почти немедленно — момент, которого она ждала меньше всего, в то время как Зейн ждал этого.

«Ах... Мн!»

После того, как она кончила в первый раз, она кончила во второй раз. Ее разум не опустел, но он затуманился, и ее зрение затуманилось. После двух последовательных оргазмов она почувствовала себя истощенной; ее руки и ноги болели; и ее веки хотели закрыться, а слегка измученный взгляд отразился на ее лице.

В состоянии, в котором находилась Лейла, она знала, что не может двигаться, а поднимать и двигать руками теперь становилось для нее своего рода вызовом. Все, что она могла сделать, это не отрывать глаз от теперь уже энергичного Зейна, что заставило ее слегка нахмуриться.

Впервые с тех пор, как он начал, он отодвинулся от своей позиции сверху нее. Он отстранился, а затем принялся снимать с нее нижнюю половину ночной рубашки и нижнего белья.

«Почему сейчас?.. Почему ты ждал, пока я кончу?» — спросила она, ее голос звучал дрожащим и слегка невнятным.

Зейн сбросил остатки ее одежды с кровати и насмешливо сказал: «Разве ты не должна уже знать об этом? Ты же суккуб».

Он раздвинул ее ноги и продолжил: «Это для твоего собственного удовольствия и комфорта. После двух оргазмов, я думаю, ты готова к введению, не так ли?»

«...» Ее глаза недоверчиво посмотрели на Зейна. «Я...»

«Ты согласился на это. Я согласился на это. Я согласился, чтобы это было непрямым. Поэтому вместо того, чтобы колебаться, я дам тебе два варианта, из которых ты можешь выбрать. Первый — ты; вручную, вставь его сам, или я прикажу тебе это сделать. По воле или силой, я предоставлю тебе решать».

Лейла знала, что этот момент наступит, и она боялась его каждую секунду. Она ждала этого, заключив с ним сделку на кусочек свободы. Она хотела, чтобы он забыл, чтобы он продолжал прелюдию до конца сеанса. Это было желание, которого она желала, зная в глубине души, что это нереально.

Оставшись с выбором между волей и силой, они оба получили один и тот же результат: введение в нее своего члена. Поскольку Зейн говорил так, как будто одно было лучше другого, она чувствовала, что он сказал это только потому, что она будет той, кто вставит его, но был скрытый фактор, о котором она не знала. Ее интуиция подсказала ей выбрать вставить его, и она так и сделала.

"Приятно слышать."

Лейла нашла пенис Зейна перед своими глазами и, поколебавшись, мягко обхватила пальцами его ствол. Он был покрыт тонким слоем резины, что исключало прямой контакт, но она чувствовала его тепло. Она собиралась пройти через это. Она должна была; это было или что-то похуже. Панику и отвращение, которые она чувствовала внутри, она не скрывала и не подавляла. Она позволила Зейну увидеть ее истинные эмоции.

Сделав глубокий вдох, она перестала колебаться и медленно и нежно повела пенис вниз, слегка его корректируя, пока не почувствовала, что он касается ее половых губ. Затем, с некоторой помощью Зейна, она вставила его.

Не было никакой боли, никакого дискомфорта; он вошел легко, поскольку ощущалось странное чувство полноты и удовольствия. Она почувствовала его тепло внутри себя, когда его пенис достиг входа в ее матку.

Она ненавидела это, но была рада, что вставка на этот раз не заставила ее застонать или кончить. Чего она и ожидала.

«Чего так грустно? Мы можем начать настоящее веселье».

<http://tl.rulate.ru/book/98775/4438450>